

Женя никак не могла привыкнуть, что стуки, скрип, тени так быстро растут, так быстро обживают дом. Они обступали ее острова – рабочий и кухонный стол, диван, кровать. Стоило ей уйти, как неуют ложился на скатерть и плед, на синий ковер, на стены. Она храбрилась, громко хлопала дверь, включала свет.

Денежная беспомощность, торопливая злость на сочувственные слова, произнесенные некстати, не так. Первое время чувства доходили до Жени через заглушку, но все равно тревожили, теребили. Затем и это пропало. На новой работе знали двое – подруга, которая помогла устроиться, и Авросин.

– За сколько снимаешь?

Спросил, вешая мокрое пальто в прихожей. В руках держал зонт и еще не решил, можно ли раскрыть его на паркетном полу.

– Можно?

– Да, конечно. Не снимаю. Наследство.

Авросин присвистнул. Хотел пошутить, но, глядя на Женю, в которой сломалось и не могло связаться обратно обычное приветливое выражение, осекся.

Женя коротко объяснилась и пошла на кухню, найти штопор.

Просторная квартира была куплена родителями по ипотеке. Жене осталось доплатить миллион. Палатку родителей, разбитую по недосмотру инструктора в опасном месте, накрыло лавиной в прошлом году.

Она не была уверена, какие бокалы подойдут для его вина.

– У тебя красное или белое?

– Красное.

Достала новые. Авросин поставил бутылку на кухонный стол. В носу защекотало несерьезным, чем-то вроде засахаренной мяты или зефира. Слышала этот запах давно, при первой встрече, у лифта. Потом он пропал или она перестала замечать?

«Пустая коробка из-под сладостей», – Женя вспомнила, как сегодня в обеденный перерыв девочки пробовали конфетное ассорти, им подаренное, и спорили, кому достанется вишневая. Вишневая досталась ей.

В офисе Авросин слыл ловеласом. Цветок, открытка, плитка редкого шоколада или лакрица в прозрачном пакете. Он был, казалось, сделан из сувениров, знаков внимания. Сыпался, не разбирая, зачем и кому. И все же он ей нравился. Может быть, тем, что одевался со вкусом. А может быть, праздной легучестью, которую за собою нес.

Между ними установился полудружеский, полужутливый тон. Авросин почти никогда не задерживался у ее стола, не задевал комплиментами. Оставлял короткие записки с рисунками. Смешные и незлые шаржи.

Она сама предложила выпить. Думала, откажется. Он согласился.

– Тогда у меня.

Сама удивилась: авантюра. Или осень.

По дороге домой смотрела поверх его уха, разряженные, в медальках, листья. Воздух готовился то ли к дождю, то ли к снегу, то ли к грозе. Жене была непонятна природа, она никогда не знала, что от нее ждать. Она сказала это Авросину, а он усмехнулся, пожал плечами.

– Я ничего не жду.

Руки и плечи оказались у него в веснушках, таких частых и светлых, что в полутьме превращались в золотую кольчугу. Звон дисков переключался в Женин сон и разбудил утром: она завтракала одна.

«Музыка», – вспомнила Женя. Порылась в прихожей. Наушники лежали рядом с обувным кремом. Ехала в метро и слушала Бетховена, чего не делала, наверное, со школы. Пальцы сами собой бежали по перилам, по капроновым коленкам,

Стучали по столу и клавиатуре – с новым звучащим смыслом.

«Все устроится» – что устроится? Как устроится? Можно сменить работу. Снова заняться музыкой. Легко заполнила давно висевший отчет. Удалила две старые папки. За делами не искала Авросина, но вечером вспомнила минувшую ночь и удивилась, что не поздоровалась с ним сегодня. Набрала сообщение и спустилась в метро. Снова шел дождь.

Открыв дверь квартиры, замерла: тени лились серебристыми волнами, как вода. Не включая света, поставила «Лунную сонату». Сняла пальто и ботинки, села на стул напротив стены и смотрела, пока дождь не кончился.

Авросин приезжал к Жене еще три или четыре раза. Спроси ее, изменились ли их отношения, она бы не поняла: не было отношений.

– Ла-тук. Одна «ка», между прочим, – сказал Авросин во вторую встречу.

На четвертой извинился, что разбил бокал, и обещал подарить новый. Ей бы ответить «на счастье», но не ответила.

С Игорем познакомилась на свадьбе подруги.

– Обрати внимание. Крез! – указала невеста.

Крез был высоким, почти бестелесным, а по пятам за ним ходила высокая девушка в красном платье. Не успев окрестить ее подходящим прозвищем, поймала взгляд. В несколько секунд блондинка превратилась в сто лет назад потерянную однокурсницу.

Подхватив Креза, уже летела навстречу.

– Знакомься, Игорь, мой друг.

Он стоял перед Женей уже не тенью в конце зала, а другом друга, почти своим. Речь зашла о театре: оказалось, могли сидеть на соседних рядах в Доке.

Однокурсница отошла, обещав принести еще шампанского, а они продолжили говорить, уже о кино.

Никаких объяснений между Женей и Авросиным не было, как и не было завязки. В четверг она отказалась от предложения проводить до метро. Авросин ничего не спрашивал и, как прежде, ухаживал за коллегами. Тон его, шуточный и доброжелательный, не менялся. Два новых бокала в картонной упаковке оставил на столе с запиской «За причиненные разрушения».

Игорю было двадцать семь. Он работал заместителем директора банка, начитан, чуть-чуть нудноват. Любил конную езду и музеи. Мысль завести семью сначала пришла ему даже отдельно от Жени, как самоцельная мечта или план. До нее у Игоря было несколько серьезных романов и столько же несерьезных. Отношения заканчивались, как бы высохнув, потеряв блеск, и, бесцветные, тяготили, отвлекали от работы, наступали на пятки будущему. Женя не наступала, держалась независимо, но рядом. С ней было легко. В сентябре он сделал предложение.

Свадьба переставила Женину жизнь: долги и любимая работа остались в прошлом. Глухая офисная зима понемногу стиралась из памяти. Подвернулся интересный проект, Женя наконец устроилась по профессии. Бокалы «за причиненные разрушения» затерялись при переезде.

Она встретила Авросина в метро, по пути из бассейна. Обычно ездила на машине, но сегодня карта была сплошь красной. Знакомое серое пальто. И новый, синий, шарф. Спросила про работу – Авросин покачал головой. Все гниет. Пошли вместе по переходу, продолжая обсуждать офис. Может быть, чаю?

На улице замешкалась. Густое темное небо наваливалось, плыло, подминало под себя улицу. Плотные стянутые фасады держались сановито, но, казалось, если тьма надавит сильнее – осыпятся, картонные.

– Ты знаешь что-нибудь поблизости?

Авросин кивнул и уверенно зашагал вперед.

– Кормят здесь отвратительно, – сказал он, толкая зеленую дверь.

– Дорого, – снял с Жениных плеч пальто, отряхнул шарф.

– Но атмосфера!

В небольшом зале, соприкасаясь спинками стульев, стояли разномастные столы. Поблескивающие стены сначала показались Жене разукрашенными стеклом и камешками, потом пригляделась – ключи. Людей почти не было.

Заняли черный стол с белой эмалевой рыбой. Хвост ее касался руки Жени, а голова – локтя Авросина.

– Так что ты? Счастлива и беззаботна?

Спросил, подзвывая глазами официанта. «Да, – хотела ответить Женья. – Да, все отлично», – хотела сказать она, но поняла, что соврет. У вранья, как говорила мама, есть вкус. Металлический, горьковатый, будто под языком холодный латунный шарик. Если человек много врет, он медленно превращается в истукана.

– Ты спросил, а я вспомнила страшилку, которую мне в детстве рассказывали. Странно, да?

Он засмеялся.

– Неужели я такой страшный?

Она еще ничего не сделала, даже заказа: только сидела с ним за одним столом. Но уже вернулся прежний тон, слабый, но узнаваемый – сладкий, зефирно-мятный запах.

– Закажем солнечный чай. Солнечный чай нам. Самый солнечный!

Веснушки блеснули на ладонях. «Если он предложит, я поеду к нему», – поняла Женья.

– Поедем ко мне?

Кивнула.

Авросин жил в двухкомнатной квартире. Ремонт в подъезде, незаконченная, но отделанная прихожая.

На кухне четыре стула, квадратная черная ваза.

– Располагайся, – предложил он.

Женья села. На черной эмали увидела свое отражение. И только в этот момент испугалась.

Еще немного, подумала она, и столкнутся, и опрокинутся. Два набора вещей, предметов, странств.

Торопливые и непонятные разговоры по телефону, дни, когда мама подолгу уходила гулять, на маникюр, на укладку, всегда легко одетая, всегда с одной и той же прической. С вазы смотрела угловатая домашняя тайна. Впервые, не уворачиваясь, не мерцая, пришла целиком и просила – смотри.

– Нет, я передумала. Поеду домой.

Авросин пожал плечами. Пока ждали такси, успел налить воды и поцеловать в щеку.

Женья вдруг вспомнила, когда видела маму в похоронной яркой помаде. В тот раз отец стоял полуголый, в одних брюках, а мать была в высоком платье, уже на каблуках. И у нее горела щека. Мать заметила ее и закричала, чтобы собиралась, – они уедут из этого дома. Женья ушла в комнату и собрала вещи в коробку, потому что не могла найти чемодан. Они не уехали. «Папа, – сказала мама, – очень нас любит».

Образы накладывались, мешались, теряли границы: переезд, общие ужины, походы в кино. Маленькие горькие горошины, в них посеянные, прорастали с невероятной быстротой, пускали корни,

распускались широко и алчно. Тяжесть, неудобство. Распустившись, набравшись цвета, широко и вызывающе смотрели, придавливали, не давали дышать.

– Я открою окно? – спросила она и, не расслышав ответ, нажала на кнопку.

Женья не могла понять, что это: болезненный поворот воображения или вдруг ставшая очевидной явь.

Мы лжем. Я лгу. В горле и носу кололо, воздух нес колючие искры. Он хотел жениться на ком-нибудь. Я хотела расплатиться с долгами. Такси подъехало к дому. Надо сказать ему.

Муж вышел из темной гостиной.

– Привет! Не промокла?

Женья покачала головой.

– А глаза красные.

– Ветер. Что со светом?

– Ничего. Сейчас покажу. Иди сюда.

Женья медленно разулась и сняла пальто. Как начать? Пошла вслед за Игорем в комнату. Ковер нарезан на свет и тьму.

– Слушай, нам надо...

Скользнула взглядом по стене. «Не скажу, – поняла она, – никогда».

По белой стене лились знакомые тени.

– Это от окна, – почему-то шепотом сказал Игорь.

В комнате темно, а на улице – фонари, витрины, фары и, тише всего, луна. Высокое, почти от пола, окно собирало дождевые капли. В комнату бросало оттиск. Тени танцевали невесомо, бестелесно: мимика без лица.

– Ты что-то хотела сказать?

– Здесь должно стоять пианино.

